

УДК351

В. Н. КОНОБЕЕВ

БИТВА ЗА РИМЛЕНД: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСУРС СТРАН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ГЕОСТРАТЕГИИ США В ЕВРАЗИИ

Розглянуто геополітичний ресурс країн Східної Європи в геостратегії Євразії.

The geopolitical resource of the countries of East Europe in geostrategy of Eurasia is considered.

Кто контролирует Хартленд? В основе современной геостратегии США в Евразии остается известная геополитическая концепция Х. Маккиндера-Н. Спайкмена, разработанная этими учеными под новую роль США после второй мировой войны, когда Соединенные Штаты окончательно стали лидерами западного мира и одним из мировых центров в двухполюсной мировой системе. Эту концепцию с поразительным упорством и целеустремленностью Вашингтон реализует в своих внешнеполитических доктринах и стратегиях и поныне.

Первый этап американской геостратегии в Евразии длился с 1946 по 1991 г. и завершился, как известно, геополитическим отбрасыванием СССР, овладением “балтийско-черноморским перешейком” (по Ф. Броделю) и выходом новой объединенной Европы во фронтальное соприкосновение с Россией. Таким образом, было реализовано известное положение Х. Маккиндера для европоцентристского мира: “Кто владеет Восточной Европой, тот контролирует Хартленд”.

Напомним в этой связи, что термином Хартленд (от англ. Heartland – “срединная земля”, “сердцевинная земля”) Х. Маккиндер обозначил массивную северо-восточную часть Евразии общей площадью более 50 млн км², почти совпадающую с территорией Российской империи и Советского Союза. Хартленд не имеет удобных выходов в Мировой океан, за исключением покрытого льдом Северного Ледовитого океана. А Римлендом (от англ. Rimland – “дуговая земля”) Н. Спайкмен назвал полосу, окружающую Хартленд с запада, юга и юго-востока. В англосаксонской концепции геополитики это пограничная зона между морскими и континентальными державами, гигантская геополитическая дуга, которая простирается вдоль границ Хартленда и включает в себя Европу, Турцию, Иран, Саудовскую Аравию, Ирак, Пакистан, Индию, страны Дальнего Востока и Китай.

В отличие от Маккиндера, Спайкмен полагал, что именно эта земля имеет решающее стратегическое значения для контроля над Евразией: “Кто владеет Римлендом, тот контролирует Хартленд”. И, в соответствие с этой концепцией, такая задача и стала доминантой внешнеполитической стратегии США в период “холодной войны” и находит воплощение в современной геостратегии и политике этой страны в начале XXI в. Второй этап реализации этой стратегии развертывается на наших глазах – мы являемся свидетелями экономической битвы за Римленд,

который в глобализирующемся мире обрел значение, подобное “балтийско-черноморскому перешейку” для европоцентристского мира.

Суть этой битвы составляет геэкономическое освоение Римленда методом высоких технологий передела этого пространства и формирования в его пределах единой подконтрольной структурированной “дуги” в качестве пресловутого “санитарного кордона” России. Освоив за 45 лет западный сектор Римленда (то есть страны Западной, Центральной и Восточной Европы) на глубину “балтийско-черноморского перешейка”, в том числе с помощью “плана Маршалла”, США с середины 1990-х годов развернули основные усилия на освоение юго-восточного сектора Римленда, расширив масштабы деятельности НАТО с добавлением ей “энергетической” функции.

Зоной особого внимания геостратегии США в пределах Римленда стали “глобальные Балканы”, в пределах которых расположен так называемый “энергетический эллипс”, включающий страны Большого Ближнего Востока и Большой Центральной Азии с Каспийским бассейном. В этой связи резко возросло стратегическое значение Кавказского перешейка как связующего звена для формирования в пределах Римленда “балто-черноморско-каспийской” дуги геэкономического блокирования России [1, с. 194].

О каспийской составляющей этой дуги недвусмысленно было сказано на ежегодных сенатских слушаниях 2008 г. в докладе директора Национальной разведки США М. Макконелла: “Агрессивные усилия Росси по контролю, запрету или блокированию транзита углеводородного топлива из Каспийского региона на Запад, желание поставить энергетический коридор Восток-Запад под свой контроль подчеркивают потенциальную силу российской энергетической политики [2, с. 180]”. То есть эта политика была расценена в качестве угрозы как национальной безопасности США, так и европейской безопасности.

Идеология нового атлантизма. Такой разворот и масштабы усилий в геостратегии США в юго-восточном направлении Римленда стали возможны благодаря успеху её реализации на первом этапе, в результате которого США удалось противопоставить России ресурс новой объединенной Европы в формате Евросоюза как самодостаточного центра силы в Евразии. В рамках Евросоюза США особое внимание уделяет вопросу управления геополитическим ресурсом стран Восточной Европы, в отношении которых американцам удалось за последние 17 лет осуществить новую версию “плана Маршала”. Сегодня можно констатировать, что десять бывших соцстран успешно функционируют в рыночной экономике, как и то, что успех этот основан на известной экономической помощи в рамках новой версии “плана Маршалла” для стран ЦВЕ, в основе которого, в частности, лежит западная стратегия глобального аутсорсинга. Из общей суммы этой помощи 25 % направлено Польше, что подтверждает ее исключительную роль в планах США [3, с. 74].

Геополитический ресурс стран ЦВЕ следует рассматривать в контексте и в рамках разрабатываемой сейчас идеологии нового атлантического партнерства в XXI веке с учетом новых геополитических реалий в Евразии. Обновление содержания нового партнерства евроатлантического сообщества происходит при сохранении прежних геополитических целей обеспечения контроля над

Хартлендом-Россиєю. В цьому контексті в нових реаліях глобалізації і мирового лідерства США для реалізації цих цілей зростає роль і значення Римленда, в частині, як транспортно-енергетического коридора Восток-Запад.

США переконують ЄС в тому, що спільне геоекономічне освоєння Римленда відповідає інтересам нової Європи, аргументуючи це успіхом євроатлантичної солідарності в ХХ столітті. Більше того, посилаючись на цей позитивний історичний досвід, США намагаються, що ЄС зможе закріпити досягнутий успіх і, більше того, розвинути його в нових історических умовах (маючи на увазі незавершеність геоекономічної експансії в бік України і Білорусії) тільки спільно з США в інтересах геополітичного сдерживання нової Росії.

Наразі інтерес ЄС, на думку США, полягає в підтримці американського присутства на зовнішніх межах нової Європи (тобто в східноєвропейських країнах). В цьому один із значень нового військово-політичного взаємодіяння США і ЄС. Тому навіть проекти автономної, більш самостійної оборонної політики ЄС ставить перед НАТО лише практичні, а не принципові проблеми [4, с. 129].

Втягуючи ЄС в спільне геоекономічне освоєння Римленда, США роблять акцент на такому:

- на безумовності прийняття американського проекту нової європейської безпеки, тісно пов'язаної з національною безпекою США;

- на фактичному розділенні праці за умовчанням у справі спільного освоєння Римленда (приклад – пріоритет ЄС в реалізації проекту євросередземноморського партнерства);

- на перспективу прямого співробітництва ЄС з Китаєм в межах нового “шелкового шляху”, прокладеного в межах Римленда з створенням нової транспортно-енергетическої інфраструктури в обхід Росії;

- на перспективу геоекономічного блокування і ізоляції Росії, мінімізацію її конкурентних переваг в глобалізуючому світі і нав'язування їй проекту глобальної енергетическої безпеки.

Передній край США в Європі. В цьому контексті США вміло використовують геополітичний ресурс країн Східної Європи. Змістом нинішнього етапу геостратегії США в відношенні цього регіону є інституційне і інфраструктурне закріплення США і НАТО на східних рубежах Євросоюзу, на просторі країн ЦВЕ, являючомуся переднім краєм національної безпеки США в Європі. Інфраструктурне закріплення східних рубежів Євросоюзу йде, в частині, в русло формування субрегіонального інтеграційного економічного об'єднання в форматі історических меж колишньої Речі Посполитої. Цю тенденцію відзначають багато дослідників ЦВЕ, в частині, Словаччини і Угорщини [3, с. 79].

Одне із головних призначень геополітичного ресурсу країн Східної Європи – підтримка антиросійського потенціалу в межах простору “балтійсько-чорноморського перешийка”. Ради цього США вміло підтримують протестні і реваншистські настрої сучасної політичної еліти Польщі, націоналістическі настрої і історическі образи політических

элит стран Балтии и Украины, а также геополитический проект США и Польши по созданию субрегионального экономического объединения в рамках исторических границ Речи Посполитой.

Именно в этом ключе следует рассматривать как весьма символичной фразу экс-президента США Д. Ж. Буша, произнесенную им на саммите НАТО в Риге в 2003 г., о том, что отныне в Европе не будет ни Мюнхена, ни Ялты. Подспудно за этой метафорой стоит историческая тень Рижского договора 1921 г., закрепившего известную “линию Керзона” в Восточной Европе. Именно в этой линии заинтересованы США в сегодняшней Восточной Европе как переднем крае своей национальной безопасности. Такой подход только подстегивает реваншистские настроения сегодняшней политической элиты Польши, готовой оказывать всяческую помощь США в реализации их геостратегии в Восточной Европе, в частности, в вопросе завершения геополитической экспансии Запада на восток и расширения НАТО до пресловутой “линии Керзона”.

Все это укладывается в рамки возрождения геополитической доктрины Польши “от моря до моря” и в планы США по обеспечению контроля над Восточной Европой с включением в неё Беларуси и Украины. Именно поэтому Польше поручено быть главным плацдармом для “распространения демократии” до “линии Керзона”. Для стимулирования этой роли не исключено, что именно представителю Польши будет предоставлена должность генерального секретаря НАТО на предстоящий период.

В целом, использование американцами геополитического ресурса стран ЦВЕ выражается в следующем:

1. Этот ресурс позволил, в частности, США осуществить стратегический маневр для сосредоточения усилий в юго-восточном направлении Римленда и заняться более плотно Украиной и Грузией, а также Ираном, Ираком, Афганистаном и другими странами региона “глобальных Балкан”.

2. Высокие технологии освоения американцами стран ЦВЕ нашли выражение в том, что вместо советских танков и ракет “младоевропейцам” сначала был предложен аутсорсинг для производства бытовой продукции, а затем ракеты и РЛС американской национальной системы ПРО. Выдвижение третьего позиционного района американской ПРО в страны ЦВЕ – Польшу и Чехию – лишь первый этап. На очереди – страны Балтии и если не Западная Украина, то Болгария или Македония.

3. Стратегическая задача США – расширить свой передовой плацдарм в ЦВЕ на базе Польши до масштаба “балто-польско-украинского” плацдарма и переднего края национальной безопасности США в Европе. Эта цель эксплуатирует геополитический интерес и национальную мечту современной польской элиты о возрождении в современных условиях исторической Речи Посполитой “от моря до моря” в форме субрегионального экономического объединения или “балто-черноморской” конфедерации.

4. Эксплуатация геополитической роли “страховочного пояса” стран ЦВЕ для двух центров силы – ЕС и России – и поддержание на этой основе страха возрождения сильной России и “российской угрозы”. США умело эксплуатируют геополитический удел стран ВЕ служить попеременно “поясом безопасности” для двух центров силы в

зависимости от того, кто из них доминирует в тот или иной период.

Линии раздела. Реализация стратегии США в Евразии по геоэкономическому освоению Римленда при подыгрывании этой стратегии странами ЦВЕ повлечет за собой оформление новой и европейской, и евразийской разделительных линий. В интересах США для сдерживания России в европейской части Римленда – создание новой разделительной линии на днепровско-неманском рубеже в режиме новой “берлинской стены”.

Особое значение придается вопросу управления внешними восточными границами ЕС и НАТО в восточной Европе (являющимися внешними границами национальной безопасности США), поскольку ещё не исчерпан потенциал расширения и ЕС, и НАТО. С исчезновением потсдамско-ялтинской системы европейского порядка вопрос о восточных границах Польши вновь становится открытым для манипуляций и провокаций в рамках дальнейшего расширения НАТО на Восток. Этому способствует и известная резолюция ПАСЕ “О необходимости международного осуждения преступлений тоталитарных коммунистических режимов” 2006 г. № 1481.

Подтверждение этому – неоднократные обвинения на официальном уровне со стороны Польши в адрес России, в которых используются в политических целях исторические обиды. Одно из последних – заявление в ноябре 2008 г. министра иностранных дел Польши Р. Сикорского об оккупации Советским Союзом западной части Польши 17 сентября 1939 г. (якобы под видом защиты некоренного населения в восточных польских районах – то есть в Западной Беларуси и Западной Украине) [5, с. 2]. В этом контексте США достаточно спровоцировать Польшу на пересмотр советско-польского пограничного договора 1945 г. как несправедливого и навязанного преступным тоталитарным режимом СССР и пойти в этих целях на использование высоких технологий геополитического сепаратизма.

Геополитический ресурс стран ЦВЕ используется США как для управления интеграционными процессами Евросоюза “вширь” и “вглубь” (играя на противоречиях разноскоростной интеграции), так и для управления отношениями взаимодействия ЕС и РФ (удерживая их от углубления и взаимовыгодности).

Исторический опыт присутствия США в Евразии с 1918 г. свидетельствует о том, что они умело управляют общеевропейскими интересами и общеевропейской безопасностью.

Как известно, столкновения двух континентальных геополитических сил Евразии в первой половине XX в. (России/СССР и Германии) дважды (в 1914 и 1941 г.) состоялись в русле реализации англо-американских геополитических концепций. И оба раза, как известно, главный финансово-политический приз доставался Вашингтону. Третий раз этот приз США получили в 1991 г., по окончании “холодной войны”, которую они вели совместно с Западной Европой, включив в её состав обезвреженную как центр силы Германию. Известный российский ученый Н. Данилевский был в свое время в определенной степени прав, говоря о несовместимости Европы и России. Но в XXI в. любой неопанславизм или неопангерманизм только на руку США в их геостратегии глобального контроля

над Евразией. Манипулируя балансом новых евразийских центров силы (ЕС, Россия, Китай, Индия), США стремятся противопоставить и по возможности столкнуть новую объединенную Европу с Россией, для которой итоги “холодной войны” стали своеобразным Версалем.

Поэтому в нынешнем веке сверхзадачей геостратегии США в Евразии является управление в своих глобальных интересах этими четырьмя континентальными центрами силы с помощью геоэкономического освоения Римленда, в пределах которого находятся три из них. При этом – не допустив там появления новых независимых игроков в лице Ирана либо региональной интеграционной экономической группировки арабских стран [6, с. 324].

Смысл “восточноевропейского партнерства”. Перед лицом настоящих цивилизационных вызов XXI в. “старые” европейцы, в отличие от “младоевропейцев”, обольщенных особыми партнерскими отношениями с мировым лидером, не спешат втягиваться в затяжные конфликты с новой возрождающейся демократической Россией. Они не хотят, чтобы новый век для новой Европы снова стал американским.

Сегодня важно понять истинный смысл столь серьезной инициативы Евросоюза, какой представляется “Восточноевропейское партнерство”, и оценить её возможные последствия в контексте предлагаемой Россией новой системы европейской безопасности. С одной стороны, это попытка Евросоюза перехватить инициативу у США в борьбе за восточноевропейский геополитический ресурс, важнейшим компонентом которого являются Украина и Беларусь. С другой – это попытка увести нынешних и потенциальных восточноевропейских членов Евросоюза из-под особой опеки США и их стремления противопоставить ресурс “младоевропейцев” старым членам ЕС. В этой инициативе просматривается осознание Евросоюзом опасности ухода стран Восточной Европы под особый контроль США и обострение борьбы между США и ЕС за влияние на “младоевропейцев”.

Вместе с тем данная инициатива – обычное разделение труда в общей задаче евроатлантического сообщества, которая заключается в инфраструктурном и институциональном укреплении важнейшего региона Европы – “балтийско-черноморского перешейка”, имеющего огромное геостратегическое значение в сдерживании новой России.

В любом случае, с точки зрения интересов Евросоюза данная инициатива – довольно удачный ход, попытка “мягкого”, высокотехнологичного распространения стандартов ЕС в ходе экономической экспансии. Это попытка вовлечения восточноевропейских стран в систему Евросоюза через использование притягательной силы более высоких стандартов социально-экономического развития. Набор мер для приобщения к европейским ценностям вполне привлекателен: упрощение визового режима (а в долгосрочной перспективе – и его отмена), присоединение к Договору об энергетическом содружестве, создание зон свободной торговли с Евросоюзом. Реализация данной инициативы нацелена на уменьшение влияния России на бывшие советские республики, в том числе

Україну и Беларусь, с последующим созданием нового экономического интеграционного объединения на постсоветском пространстве.

Сегодняшней реалией является нахождение стран ЦВЕ в системе евроатлантической безопасности, которая в свою очередь является производной от национальной безопасности США. Кроме того, новая Европа в лице Евросоюза ещё не готова без США выстраивать собственную систему безопасности. Из понимания этой данности должна исходить Россия, предлагая создание на континенте нового порядка взаимоотношений.

В общем, в деле выстраивания подлинно взаимовыгодной системы общеевропейского сотрудничества всем участникам процесса предстоит еще длительная и упорная борьба.

Литература:

1. *Бордачев Т.* Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности “большой сделки” / Т. Бордачев. – М. : Европа, 2009.
2. Известия. – 2008. – 17 ноября.
3. Россия в глобальной политике. – 2008. – Т 6. – № 5 (сентябрь – октябрь).
4. *Тренин Д.* Интеграция и идентичность : Россия как “новый Запад” / Д. Тренин ; Моск. центр Карнеги. – М. : Европа, 2006.
5. *Фукуяма Ф.* Америка на распутье: Демократия, власть и неоконсервативное наследие / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2008.
6. *Шишелина Л. Н.* Восточная Европа: два десятилетия между Москвой и Брюсселем / Л. Н. Шишелина // Современная Европа. – М. : Ин-т Европы РАН. – 2008. – № 4 (36). – (октябрь – декабрь).

Надійшла до редколегії 20.03.2009 р.